

На правах рукописи

**ГРЕЛЬ
Яков Валерьевич**

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СТОРОН ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В
ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Новосибирск – 2006

Работа выполнена в секторе гражданского права и процесса Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель доктор юридических наук,
профессор
Цихоцкий Анатолий Викторович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук,
профессор
Попова Юлия Александровна

кандидат юридических наук
доцент
Федосеев Владимир Михайлович

Ведущая организация Самарский государственный
университет

Защита состоится 25 мая 2006г. в 10 часов на заседании диссертационного совета К. 212. 267. 02 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск-50, ул. Московский тракт, 2е, ауд. 111.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 20 апреля 2006г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.Ю. Баришпольская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема злоупотреблений сторон процессуальными правами стара, как и сам процесс. Однако риторический характер проблематики не снимает ее значимость с повестки дня сегодняшнего. Более того, в последнее время усилилась потребность в защите от недобросовестной практики сторон, что можно объяснить наличием ряда факторов.

Проводимые в нашей стране реформы правосудия имеют цель обеспечить конституционные права граждан и юридических лиц на судебную защиту. В соответствии с чем необходимо создать такие предпосылки, которые позволили бы организовать эффективное судопроизводство, способное в максимальной степени достичь своей главной цели: защитить нарушенные или оспариваемые права, свободы и законные интересы.

В области гражданской юрисдикции совершенствование правосудия выстраивается на основе концепции состязательного и диспозитивного процесса, сердцевину которого образует постулат еще времен римского права: стороны – хозяева процесса. Соответственно, свобода и инициатива тяжущихся по осуществлению своих процессуальных прав имеет для цивилистического процесса определяющее значение. Развитие нормативно-правовой базы в данной сфере, прежде всего это принятие нового Арбитражного процессуального кодекса РФ (2002 г.) и Гражданского процессуального кодекса РФ (2003 г.), показывает, что законодатель стремится следовать выбранной им концепции. В частности: а) процесс возбуждается только по обращению в суд заинтересованного лица; б) стороны обладают достаточными возможностями, чтобы определить судьбу как предмета судебного спора, так и самого процесса; в) сбор и представление доказательств акцентируются главным образом на инициативе сторон. С другой стороны, положение суда, который по канонам советского гражданского процесса превалировал над положением сторон, в условиях состязательного процесса не могло не подвергнуться содержательным изменениям. Так, суд практически исключен из сбора доказательств, свое решение выносит на основании представленных сторонами доказательств, при этом за редким исключением он не вправе выходить за предмет заявленных требований.

Вместе с тем воплощение состязательного процесса предполагает не только преобразование законодательства, но и создание новых качественных условий. Жизненная основа состязательности, как отмечал русский юрист *Е.В. Васьковский*, это участие равных, умелых, хорошо подготовленных сторон. В ряде стран процессуальное равноправие сторон достигается за счет обязательного участия профессионального представителя, на плечи которого перекладывается ответственность по ведению процесса. Отечественная модель состязательного судопроизводства не сопряжена с подобным требованием, она оставляет сторонам лишь возможность обратиться к услугам профессионального представителя, что не всегда реализуется на практике, особенно в области гражданского судопроизводства, по причине финансовой недоступности. Более того, истинная состязательность зиждется на исторических традициях и высокой правовой культуре сторон, в силу чего процессуальное соперничество сторон не превращается в «бескомпромиссную войну». Российский состязательный процесс проходит фазу своего становления, поэтому элементы контррадикторного судопроизводства только вырабатываются и еще нуждаются в критическом осмыслении. Например, ни ГПК РФ, ни АПК РФ, по сути, не связывают стороны преклюзивным сроком на представление доказательств в суде первой инстанции.

В условиях расширения процессуального статуса сторон, пассивности суда, отсутствия фактического равноправия сторон и традиций состязательности складывается «благоприятная» обстановка для злоупотреблений процессуальными правами. В результате чего искажается сущность правосудия – механизм судебной защиты используется сторонами в нарушение прав и интересов других лиц, а также в противоречии с публичными интересами по организации эффективного и справедливого процесса.

Таким образом, злоупотребления процессуальными правами представляют собой серьезную проблему, стоящую на пути развития эффективной модели правосудия в сфере гражданской юрисдикции.

Степень научной разработанности темы. Проблема недобросовестности сторон обратила внимание ученых в период становления в Европе либеральной модели гражданского судопроизводства (вторая половина XIX века). Австрийский процессуалист *Клейн* (1875 г.) одним из первых исследовал порочную

практику сторон, злоупотребляющих своими правами, на монографическом уровне¹, его выводы, а также представления о проблеме других европейских процессуалистов аккумулировал *Е.В. Васьковский* (1913 г.)² в своем предложении запретить сторонам злоупотреблять процессуальными правами, когда стороны осуществляют свои права в целях противных правильному и скорому процессу. Тем не менее русские процессуалисты, обличая недобросовестность сторон как один из пороков либерального гражданского судопроизводства, не предпринимали попыток к теоретическому анализу проблемы, ограничиваясь замечаниями по совершенствованию процессуального законодательства.

В советский период развития науки гражданского процессуального права проблема недобросовестности сторон находилась на периферии юридической научной мысли, что можно объяснить, во-первых, доминирующей позицией суда в процессуальных отношениях, во-вторых, идеологическими установками того исторического периода о высокой правовой культуре граждан. В то же время исследователи отмечали неэффективность ряда положений гражданского судопроизводства, которыми умело пользовались недобросовестные стороны. В работах процессуалистов рассматривались отдельные аспекты проблематики в рамках исследований более общих вопросов гражданского процесса: злоупотребления правом на иск (*М.А. Гурвич*)³, процессуальная ложь (*К.С. Юдельсон*)⁴, процессуальная обязанность добросовестно пользоваться принадлежащими правами (*Л.А. Ванеева*)⁵.

Среди современных исследований обращает на себя внимание работа *А.В. Юдина*, который первый из отечественных процессуалистов проанализировал проблему злоупотреблений правами в гражданском судопроизводстве на монографическом уровне⁶.

Вместе с тем феномен недобросовестности сторон получил распространение не только в гражданском процессе, но и в родственном ему арбитражном

¹ См.: *Klein*. Die schuldhafte Partei-handlung. – Wien, 1885.

² См.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. – М., 1913. – С. 668-682.

³ См.: *Гурвич М.А.* Право на иск. – М., 1949. – С. 120-128.

⁴ См.: *Юдельсон К.С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М., 1951. – С. 99-106.

⁵ См.: *Ванеева Л.А.* Понятие юридической обязанности по гражданскому процессуальному праву // Изв. вузов Правоведение. – 1984. – № 4. – С. 46 – 51.

процессе. Это свидетельствует о том, что проблема носит междисциплинарный характер и сопрягается с рядом общих вопросов организации эффективного судопроизводства в целом. Поэтому существует потребность комплексного изучения негативного поведения сторон, связанного со злоупотреблениями процессуальными правами.

Цели и задачи исследования. Основной целью исследования является комплексный анализ злоупотребления процессуальным правом с позиций его негативного влияния на функционирование гражданского процесса и возможных средств совершенствования правового регулирования.

Достижение данной цели обусловило, в свою очередь, необходимость решения следующих задач:

1. На основе анализа общетеоретических положений дать характеристику феномена злоупотребления субъективным правом;
2. Изучить эволюцию проблемы злоупотребления процессуальным правом относительно конкретного исторического этапа становления гражданского процесса;
3. Соотнести идею злоупотребления правом с сущностью, принципами и формой современного состязательного процесса;
4. Рассмотреть состояние проблемы процессуальных злоупотреблений в современном российском гражданском и арбитражном процессе, выявить причины, способствующие этому негативному явлению;
5. Проанализировать методологические подходы к устранению злоупотреблений процессуальным правом с позиций действующего законодательства;
6. Обосновать решение проблемы процессуальных злоупотреблений на основе комплексного подхода, включающего в себя как общий запрет недобросовестного использования сторонами процессуальных прав, так и меры *lex specialis*, направленные на сдерживание недобросовестности сторон в конкретной области гражданского и арбитражного процесса;
7. Подготовить предложения по совершенствованию гражданского и арбитражного процессуального законодательства, связанные с темой диссертационного исследования.

⁶ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. –

Объектом исследования выступает злоупотребление процессуальным правом как феномен правовой действительности, а также общественные отношения, складывающиеся в результате недобросовестных действий сторон.

Предметом исследования являются положения законодательства как с позиций *de lege lata*, так и с точки зрения *de lege ferenda*, регулирующие процессуальные отношения на предмет противодействия злоупотреблениям сторон.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых: М.Г. Авдюкова, М.М. Азаркова, В.А. Бабакова, В.В. Бутнева, Л.А. Ванеевой, Е.В. Васьковского, М.А. Викут, А.Г. Гойхбарга, А.Х. Гольмстена, В.П. Грибанова, М.А. Гурвича, А.Г. Давтян, И.М. Зайцева, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, О.С. Иоффе, А.Г. Коваленко, А. Курбатова, С.В. Курылева, Н.С. Малеина, К.И. Малышева, М.М. Михайлова, Э.М. Мурадян, И.Б. Новицкого, Г.Л. Осокиной, И.В. Решетниковой, А.А. Ференс-Сороцкого, Д.А. Фурсова, А.В. Цихоцкого, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота, М.С. Шакарян, К.С. Юдельсона, А.В. Юдина, В.В. Яркова и других. В диссертации использовались труды ряда зарубежных ученых: А. Barak, Н. Schack, G. Baumgärtel, F. Baur, H-P. Haferkamp, K. Hellwig, F. von Hippel, M. Taruffo, A. Wach, W. Zeiss и других.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет система философских знаний, определяющих основные требования к научным концепциям, к сущности и сфере применения различных методов познания. Методология диссертационного исследования состоит в применении диалектико-материалистического подхода метода научного познания, анализа, синтеза, логического метода и метода системного подхода к объекту изучения, а также в применении частно-научных методов: сравнительного правоведения, историко-правового, формально-логического, системно-логического методов толкования права.

Эмпирической базой исследования выступает гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство Российской Федерации, судебные акты (в том числе акты КС РФ, ВС РФ, ВАС РФ и др.), а также обобщения правоприменительной практики ВС РФ, ВАС РФ.

Научная новизна исследования определяется прежде всего темой диссертации, которая является одной из первых в научной литературе, посвященной комплексному изучению злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном судопроизводстве, представляющее собой многоаспектное исследование данного негативного явления правового бытия, включая анализ законодательства, судебной практики и теории гражданского процессуального права в их неразрывной связи.

О новизне исследования свидетельствует и ряд положений, выносимых на защиту:

1. В условиях состязательного процесса, утвердившегося в качестве наиболее эффективной формы гражданского и арбитражного судопроизводства, становится актуальной проблема злоупотреблений сторон своими процессуальными правами. Конструкция злоупотребления правом имеет в своей основе оценку поведения управомоченного с точки зрения не только формальных предписаний закона, но и с позиций дополнительных критериев, образующих пределы права. В отношении субъективного процессуального права такими пределами выступают цель процесса в правильном и скором разрешении дела, равноправие сторон, а также справедливый баланс встречных интересов сторон. Таким образом, злоупотребление процессуальным правом есть недопустимое осуществление права, которое обращено против правильного, своевременного рассмотрения и разрешения дела, равноправия сторон либо ведет к крайне несправедливым результатам для противной стороны.

2. Квалификация злоупотребления процессуальным правом в качестве одного из видов неправомерного поведения базируется на плюрализме оценок. С одной стороны, злоупотребление процессуальным правом представляет собой неправомерное поведение управомоченного лица, связанное с превышением пределов своего права. С другой стороны, не исключается, что некоторые виды недобросовестного осуществления процессуального права на уровне закона возводятся в ранг правонарушения.

3. Плюрализм квалификации злоупотребления процессуальным правом позволяет говорить о различных правовых последствиях. Общее следствие совершения злоупотребления процессуальным правом заключается в том, что управомоченная сторона лишается возможности реализовать свои права в установленном законом порядке.

моченному отказывается в удовлетворении его притязаний. Одновременно с этим в законодательстве могут предусматриваться специальные меры ответственности за совершение таких правонарушений, как злоупотребление процессуальным правом.

4. В российском цивилистическом процессе идея недопустимости злоупотреблений процессуальными правами находит основание в общей оговорке о добросовестном использовании лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав (ч. 2 ст. 41 АПК, абз. 2 п. 1 ст. 35 ГПК). Общая оговорка самостоятельно участвует в правовом регулировании в качестве запрета злоупотребления процессуальными правами, согласно которому использование процессуального права, обращенного против правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судебного дела, равноправия сторон либо крайне несправедливым образом нарушающего интересы встречной стороны, признается судом недопустимым.

5. Санкции, установленные процессуальным законом в виде компенсации за потерю времени (п. 3 ст. 150, ст. 99 ГПК), и отнесение судебных расходов (ч. 2 ст. 111 АПК) в контексте эффективного правового регулирования следует признать слаборезультативными. Нельзя согласиться с выводами судов о том, что злоупотребление процессуальным правом дает основание для взыскания штрафа за неуважение к суду. Вместе с тем не исключается обсуждение вопроса о введении в качестве карательной меры в арбитражный и гражданский процесс штрафа за злоупотребление процессуальным правом, выразившееся в недобросовестном осуществлении процессуального права, направленного против правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судебного дела.

6. Конкретизация общей оговорки свидетельствует о разной амплитуде ее действия в зависимости от характера процессуального права, лежащего в основе недобросовестных действий сторон, и возможности судебного контроля.

7. Общая оговорка находит ограниченное применение в отношении злоупотребления правом на обращение за судебной защитой (права на процесс), когда процесс инициируется с иной целью, чем защита нарушенного права или интереса. В обращении в суд, равно как и в рассмотрении дела, не может быть отказано со ссылкой на злоупотребление правом, иное означало бы недопусти-

мый отказ в правосудии. Правовые последствия злоупотребления правом на обращение в суд могут иметь только процессуальный характер. Единственным таким следствием является взыскание судебных расходов с лица, заведомо заявившего необоснованный иск, даже если оно освобождено от их уплаты.

8. Наряду со злоупотреблением процессом следует различать неосновательное обращение в суд (заявление иска без повода). Целесообразно в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве разработать положения об ответственности, отраженные в процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 111 АПК), за безосновательное использование средств судебной защиты. Ответственность выражается в отнесении на заявителя иска всех судебных расходов, если противная сторона докажет отсутствие повода для обращения и незамедлительно признает исковые требования.

9. Функционирование общей оговорки предполагает ее конкретизацию на уровне процессуального закона. Можно констатировать, что действующее процессуальное законодательство испытывает дефицит положений *lex specialis*, призванных сдерживать недобросовестность сторон. Усугубляющим фактором является отсутствие единой для гражданского и арбитражного судопроизводства тенденции по усилению дисциплины сторон за счет строго регламентированной процедуры обмена состязательными бумагами.

10. В области доказывания меры *lex specilais* могут найти воплощения в такой процессуальной обязанности сторон, как обязанность своевременного предоставления средств доказывания, согласно которой стороны должны раскрыть доказательства в рамках установленного судом преклюзивного срока, а также все иные последующие доказательства представлять заблаговременно, как это требует добросовестное ведение процесса.

11. Предложения ввести в процессуальное законодательство обязанность сторон давать свои объяснения объективно и в полном объеме (обязанность правды) в отрыве от рассмотрения вопроса о формах контроля суда и об эффективных санкциях лишены практического значения. Сама по себе обязанность правды не способна создать для объяснений сторон правовой режим, идентичный режиму дачи свидетельских показаний.

Научная и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что теоретические выводы, сделанные в работе, развивают и дополняют положения науки гражданского и арбитражного процессуального права, касающиеся вопросов пределов осуществления процессуальных прав, в том числе права на иск, применения оценочных категорий в процессуальном праве и степени судебного усмотрения, процессуальной дисциплины сторон, эффективности мер противодействия процессуальным злоупотреблениям и др. Отдельные выводы и предложения могут использоваться в целях дальнейшего совершенствования отечественного гражданского и процессуального законодательства, подготовки документов в области международного сотрудничества по вопросам гражданского процесса. Результаты проведенного сравнительно-правового анализа законодательства и судебной практики могут использоваться для преподавания ряда юридических дисциплин: гражданский и арбитражный процесс, международный гражданский процесс в высших учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена в секторе гражданского права и процесса Института философии и права СО РАН, где проведено ее рецензирование и обсуждение. Основные положения диссертации были апробированы диссертантом в научных публикациях; в ходе научных дискуссий по теме исследования на конференциях и семинарах: всероссийских научно-практических конференциях «Государство, право, образование» (Новосибирск, 2002), «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2003, 2005); региональных семинарах молодых ученых-правоведов «Современные проблемы гражданского права и процесса» (Новосибирск, 2003, 2004). По некоторым аспектам проблематики было проведено сравнительно-правовое исследование в рамках научной стажировки в Институте немецкого и зарубежного гражданского процесса Университета г. Фрайбург (Германия) при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD).

Структура диссертации обусловлена целью исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих пять параграфов, заключения и библиографического списка использованных источников.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, степень научной разработанности, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, освещаются методологические, теоретические и эмпирические основы работы, раскрываются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о теоретической и практической значимости диссертационного исследования, а также данные об апробации его результатов.

Глава первая – «Злоупотребления сторон процессуальными правами: методология проблемы» – состоит из двух параграфов и посвящена определению теоретических подходов исследования заявленной проблематики. **В первом параграфе** приводится общая характеристика феномена злоупотребления правом. Исходной предпосылкой выступает тезис о том, что природа злоупотребления правом заложена в противоречиях между формальной определенностью норм закона и потребностью справедливого правового регулирования. Устранение таких противоречий делается возможным, если признать допустимой оценку действий управомоченного лица не только с позиций предписаний закона, но и с точки зрения дополнительных критериев. В начале прошлого столетия в цивилистике получила развитие идея релевантности субъективного права: абсолютная ценность свободы правообладателя все больше теряет непререкаемость под влиянием мотивов социального порядка. Это позволило говорить в ряде случаев о недопустимости действий управомоченного лица, если они вызваны шиканозными намерениями, противоречат назначению права, цели и смыслу закона. Обобщая приведенные точки зрения, можно отметить, что о злоупотреблении правом правомерно говорить, когда действия субъекта формально соответствуют содержанию права, но превышают его пределы. При этом пределы субъективного права образуют привлекаемые правоприменителем дополнительные критерии, на основании которых можно судить о недопустимости действий управомоченного лица.

Характерной чертой критериев, образующих пределы субъективного права, является неопределенность их содержания. Поэтому вовлечение таких критериев в правовое регулирование требует признания допустимости действия общих

оценочных норм. Примером может служить обращение к общим (генеральным) оговоркам в целях корректировки поведения управомоченного лица. Общая оговорка есть такое правовое положение, которое представлено в виде неопределенного правила, рассчитанного на его конкретизацию правоприменителем относительно частного случая. Общие оговорки представлены и в отечественном законодательстве. В частности, в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ говорится о недопустимости осуществления прав в нарушение прав и свобод других лиц. В правовой науке распространено мнение, что данная конституционная норма отражает общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом. Это подтверждается практикой Конституционного Суда РФ. И все же краеугольным остается вопрос о критериях, которые могут использовать для интерпретации положений оговорки. Согласно сущности общей оговорки главная роль в разрешении этой задачи отводится правоприменительному органу. Причем в данном случае приходится говорить о более широком круге источников правового регулирования, включающих в себя не только нормы права, но и начала правопорядка. Среди последних можно назвать начало справедливости, которое пронизывает правопорядок нитью общности цели – нахождение сбалансированной модели правового регулирования. Это предполагает взвешивание сталкивающихся интересов участников правоотношений, соответственно, от правоприменителя требуется определение той ценности, которая заслуживает приоритетной защиты.

Вместе с тем законодатель заинтересован в большей определенности правового регулирования, поэтому стремится конкретизировать пределы субъективного права в виде специальных правовых обязанностей и запретов. В подобных положениях *lex specialis* прописываются те критерии, на основании которых правоприменитель расценивает действия управомоченного лица как недопустимые, а также устанавливаются соразмерные санкции.

В отношении правовой квалификации злоупотребления правом с позиций правонарушения либо иной формы неправовых действий предлагается исходить из плюрализма оценок. Это означает, что с одной стороны, когда управомоченное лицо превышает пределы своего права, оно действует вне права, следовательно, его поведение нельзя признать правомерным, но при этом также нельзя говорить о правонарушении. С другой стороны, если лицо превышает пределы права,

конкретизированные в установленных законом специальных запретах, оно тем самым совершает правонарушение. Данное предложение предопределяет следующие выводы. Во-первых, различаются формы закрепления пределов субъективного права и специальных запретов. Пределы субъективного права есть внутренняя категория, что не предполагает их оформления в правовых нормах, их содержание может вытекать из общих, оценочных оговорок. В отличие от этого, специальные правовые запреты в обязательном порядке должны быть отражены в законе. Во-вторых, в зависимости от квалификации злоупотребления процессуальным правом различны и правовые последствия. Генеральное следствие при превышении пределов субъективного процессуального права - отказ лицу в признании и удовлетворении его притязаний. В свою очередь нарушение специального запрета злоупотребления правом влечет наступление соответствующих санкций, предусмотренных правовой нормой.

Как обязательный компонент характеристики злоупотребления правом выступает допустимый уровень судейского усмотрения. Автор, отмечая неоднозначность данного вопроса, разделяет представленный в правовой доктрине подход о судейском усмотрении как гибком инструменте сглаживания недостатков закона. В то же время ставится акцент на том, что было бы неправильным рассматривать судебное усмотрение как панацею в преодолении злоупотребления правом. Представляется, что с позиций органического развития права предпочтительнее стремиться к конкретизации общей оговорки на уровне специальных правовых обязанностей и запретов, регулирующих осуществление субъективного права.

Во втором параграфе выводы, полученные при анализе общетеоретических вопросов, находят свое продолжение применительно к феномену злоупотребления процессуальными правами в области цивилистического процесса. Прежде всего уделяется внимание сущности субъективного процессуального права сторон и особенностям его осуществления. Следует разделять процессуальные права сторон и других лиц, участвующих в деле, и процессуальные полномочия юрисдикционного органа. Первые предоставляются сторонам в их частном интересе. В соответствии с чем пользование или непользование процессуальными правами будет зависеть от усмотрения их обладателей. В отличие от

этого, суд не уполномочен на бездействие. Все предоставляемые процессуальные права должны быть указаны в законе. Наконец, процессуальные права связаны с наличием гражданского процессуального отношения. Соответственно, именно в рамках данного правоотношения возможны существование и реализация процессуальных прав, носители процессуальных прав должны обладать качеством процессуальной правоспособности, процессуальные права сопровождают процессуальное правоотношение от факта его зарождения до момента прекращения. В диссертации затрагивается вопрос о классификации процессуальных прав сторон. Предлагается различать как отдельные процессуальные права, так и право на процесс в целом. Последнее состоит в праве лица обратиться за судебной защитой. Это право предоставлено еще до возникновения процесса, следовательно, оно предопределено не столько нормами процессуального законодательства, сколько общими положениями правопорядка, и, как правило, обеспечено конституционными гарантиями. Право обратиться в суд должно быть признаваемо за максимально широким кругом субъектов, а реализация права должна знать минимальное число стеснений.

Свойства процессуальных прав предопределяют особенности их осуществления: а) осуществляются процессуальные права путем совершения процессуальных действий; б) процессуальные действия совершаются сторонами по их воле; в) субъект процессуальных действий должен обладать качеством процессуальной дееспособности; г) процессуальные действия адресуются суду, без санкции которого они не влекут правовых последствий; д) при осуществлении процессуальных действий должны учитываться требования процессуальной формы.

Являясь разновидностью субъективного права, процессуальные права сторон не исключают постановку вопроса о допустимости их осуществления с точки зрения злоупотребления правом. Ретроспективный анализ вопроса показывает его глубокую историю. Еще в римском гражданском процессе обращалось внимание на случаи злоупотребления сторон и предлагались соответствующие меры защиты, одной из которых являлась присяга сторон в добросовестности своих намерений (*calumnia*). Злоупотребления сторон были известны и раннему русскому судебному процессу. В источниках периода XV–XVI вв. содержится понятие «ябеда», которое могло означать неосновательное, вздорное притязание.

В Соборном Уложении ябедничество наказывалось ссылкой и денежными штрафами. Начиная с середины XIX века, на смену инквизиционной системе гражданского судопроизводства пришла модель либерального состязательного процесса. Это сказалось на процессуальных кодификациях того времени, например, Устав гражданского судопроизводства Российской Империи 1864 г., в которых, дабы не давать лишний повод суду для ограничения свободы тяжущихся, меры защиты от недобросовестности сторон не получили развития. Подобным отвечала и судебная практика. Исключением явился австрийский Устав гражданского судопроизводства 1894 г., в котором была признана обязанность сторон давать правдивые показания, а также установлена ответственность за затягивание процесса. Историография проблемы показывает, что предлагаемые методы противодействия злоупотреблению процессуальным правом не представляли собой целостной системы, вопрос об общих оговорках, которые закрепляли бы пределы процессуальных прав, не ставился.

Признание идеи недопустимости злоупотребления процессуальным правом предполагает возможность оценки действий управомоченного лица с позиций пределов субъективного процессуального права. Это, в свою очередь, взаимосвязано с вопросом о сущности цивилистического процесса. Если ставить во главу угла то, что в процессе разрешается частный спор о праве, поэтому личная автономия сторон в осуществлении своих процессуальных прав неприкосновенна и не может ставиться под судебную опеку. Но в то же время есть основания усматривать в гражданском процессе реализацию не только частных, но и публичных интересов. Государство, ограничивая самозащиту и предоставляя вместо нее возможность обратиться к системе юрисдикционных органов, преследует цель, чтобы споры, рассматриваемые судом, разрешались скоро и правильно. Тем самым будет обеспечен социальный авторитет правосудия. С этих позиций *Е.В. Васьковский* выступил за недопустимость злоупотреблений сторон процессуальными правами, когда они осуществляются для достижения целей, несогласных с целью процесса – правильным и скорым разрешением дела. В целом, отмечается, что расставленные столетие назад акценты придали проблематике правильное русло. Пределы процессуальных прав черпаются прежде всего из целевых установок цивилистического процесса: правильно и своевременно разрешить судеб-

ный спор. В этом находит свое проявление защита публичных интересов в организации эффективной системы правосудия.

В то же время вышеозвученные цели процесса могут быть достигнуты при использовании одной из сторон недобросовестных приемов. Например, истец заранее указывает неверный адрес ответчика, с тем чтобы лишить его возможности высказать свои возражения против иска; истец обманным путем достигает нужной ему подсудности. Из этого следует, что потребность в защите от недобросовестных действий сторон predetermined не только публичными, но и частными интересами. Гражданское процессуальное отношение разворачивается между двумя противоборствующими сторонами при обязательном участии юрисдикционного органа. Следовательно, в гражданском процессе происходит столкновение коллидирующих интересов. Однако при всем этом не исключается потребность в нахождении баланса между частными интересами, чтобы осуществление права одной из сторон не приводило к крайне несправедливым результатам для ее противника. Таким образом, пределами субъективного процессуального права выступают цель процесса (правильное и своевременное разрешение дела), равноправие сторон, а также справедливый баланс встречных интересов сторон. Соответственно, злоупотребление процессуальным правом есть недопустимое осуществление права, которое обращено против правильного, своевременного рассмотрения и разрешения дела, равноправия сторон либо ведет к крайне несправедливым результатам для противной стороны.

Правовая квалификация злоупотребления процессуальным правом основана на вышеприведенном тезисе плюрализма оценок. В этой связи, по мнению автора, злоупотребление процессуальным правом не должно исчерпываться формой процессуального правонарушения. С одной стороны, злоупотребление процессуальным правом есть правонарушение в силу несоблюдения управомоченным установленными законом специальных запретов. С другой стороны, о злоупотреблении процессуальным правом можно говорить как о неправомерном поведении, если суд установит в действиях управомоченного превышение пределов самого права. Поэтому несмотря на отсутствие прямого указания в законе, можно говорить о недопустимости осуществления процессуальных прав, если управомоченным были превышены пределы права, выведенные из контекста общих

оценочных оговорок. Плюрализм квалификации злоупотребления процессуальным правом позволяет говорить о различных правовых последствиях. Общее следствие совершения злоупотребления процессуальным правом заключается в том, что управомоченному лицу отказывается в удовлетворении его притязаний. Одновременно с этим в законодательстве могут предусматриваться специальные меры ответственности за совершение таких правонарушений, как злоупотребление процессуальным правом.

Вторая глава «Злоупотребление процессуальным правом в российском гражданском и арбитражном процессе» состоит из трех параграфов и посвящена конкретизации теоретических выводов относительно отечественного цивилистического процесса. **В первом параграфе** рассмотрены основания для признания идеи недопустимости злоупотребления процессуальными правами. Стремление привить на российской почве модель чистого контрадикторного процесса, в отсутствие культуры состязательности и фактического равноправия сторон, может обернуться дискредитацией правосудия, в том числе за счет увеличения числа процессуальных злоупотреблений. Поэтому поддерживается подход о сочетании публичных и частных начал в организации цивилистического судопроизводства. По мнению автора, это прослеживается в взаимосвязи конечной цели правосудия и средств ее обеспечения: судебная защита нарушенного права достигается с помощью справедливого и оптимального по продолжительности судебного разбирательства. В отечественном гражданском процессуальном праве взаимосвязь цели и средств прослеживается в установленных законом задачах гражданского судопроизводства, выполнение которых служит реализации цели процесса. Так, в ст. 2 ГПК РФ говорится, что задачами гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод, интересов субъектов гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Со своей стороны АПК РФ в каталоге задач судопроизводства в арбитражных судах на первое место ставится защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов (п. 1 ст. 2 АПК РФ). Причем в качестве отдельной задачи арбитражного судопроизводства законодатель называет справедливое публичное судебное разбирательство в установленный законом срок независимым и беспри-

страстным судом (п. 3 ст. 2 АПК РФ). В отличие от ГПК РФ, формулировка п. 3 ст. 2 АПК РФ прямо не упоминает о правильном и своевременном рассмотрении и разрешении подведомственных арбитражным судам дел. В то же время критерию своевременности в полной мере отвечает требование о проведении судебного разбирательства в установленный срок. Что касается требования правильного рассмотрения и разрешения дела, то, несмотря на отсутствие его текстового закрепления, из систематического толкования норм ст. 2, ст. 6, ч. 3 ст. 9, ч. 1 ст. 64, ч. 3 ст. 131, ч. 2 ст. 133, ст. 270, ст. 286, ст. 288, ст. 299 АПК следует, что арбитражный процесс, так же, как и гражданский процесс, ориентирован на правильное разрешение дела. Иной вывод находился бы в логическом противоречии с основной целью арбитражного судопроизводства, поскольку невозможно вести речь о достижении защиты нарушенных прав, если не поставить перед судами задачу правильного рассмотрения и разрешения дела. Поэтому, опуская отраслевые особенности, можно говорить, что арбитражный и гражданский процесс исходят из единой цели (основной задачи) – защита субъективных прав, законных интересов. Достижение данной цели предполагает организацию надлежащего процесса, который гарантировал бы правильное, своевременное судебное рассмотрение и разрешение дела в условиях процессуального равноправия и справедливого баланса интересов сторон.

Во втором параграфе исследуется возможность применения в российском гражданском и арбитражном процессе общей оговорки о недопустимости злоупотреблений процессуальными правами. В современных ГПК РФ и АПК РФ представлена традиционная для отечественного процессуального права (ст. 6 ГПК РСФСР 1923 г., ч. 2 ст. 30 ГПК РСФСР) общая оговорка о том, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (п. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 1 ст. 41 АПК РФ). Установленная в отношении сторон обязанность добросовестно пользоваться процессуальными правами рассматривалась процессуалистами в разном качестве: морально-идеологическая категория, процессуальная аксиома, форма выражение позитивной ответственности, принцип правдивости и добросовестности участников процесса, общая процессуальная обязанность. Однако приведенные характеристики различаются по форме изложения, но не по своей сути. Поскольку в пред-

ложенных подходах требование добросовестного осуществления процессуальных прав не возносится в ранг самостоятельного критерия оценки поведения участников судебного разбирательства. Такое неприятие общей оговорки автор объясняет догматическими традициями советского права, в силу которых оценочные понятия, базирующиеся на неопределенных критериях добросовестности, добрых нравов, воспринимались как «каучуковые» формулировки, присущие буржуазному праву, но несовместимые с требованиями социалистической законности. Однако представляется, что в условиях современного состязательного процесса, когда возросла потенциальная опасность процессуальных злоупотреблений сторон, имеет место потребность более гибкого правового регулирования. Поэтому, по мнению автора, в российском цивилистическом процессе идея недопустимости злоупотреблений процессуальными правами находит основание в общей оговорке о добросовестном использовании лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав (ч. 2 ст. 41 АПК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 35 ГПК РФ). Общая оговорка самостоятельно участвует в правовом регулировании в качестве запрета злоупотребления процессуальными правами, согласно которому использование процессуального права, направленного против правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судебного дела, равноправия сторон, либо крайне несправедливым образом нарушающего интересы встречной стороны, признается судом недопустимым.

Далее рассматриваются элементы общей оговорки: круг субъектов, содержание, порядок применения, последствия. К адресатам общей оговорки относятся лица, участвующие в деле, включая представителей. Но в первую очередь оговорка о добросовестности адресуется сторонам как центральным участникам процесса, обладающим полным объемом процессуальных прав.

Содержание общей оговорки составляют условия ее применения. О превышении пределов субъективных процессуальных прав можно говорить при следующих условиях. Во-первых, если осуществление процессуального права направлено против правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судом дела, что предполагает умышленные действия лица. Во-вторых, если осуществление процессуального права обращено против равноправия сторон, что выражается в виновных действиях, направленных на приобретение неположен-

ных правовых преимуществ либо на ухудшение правового положения противной стороны. В-третьих, не исключено объективно несправедливое осуществление процессуального права вследствие лакун законодательства, здесь общая оговорка дает правоприменителю возможность привести правовое регулирование в гармоничное русло, что подтверждает Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статьи 140 ГПК РСФСР⁷.

Обращение к общей оговорке допускается, если ситуация не разрешается нормами процессуального закона либо осуществление процессуального права прямо не противоречит принципам процессуального права. Положения *lex specialis*, служащие сдерживанию недобросовестной практики сторон, подлежат приоритетному применению. Принимая во внимание публичный характер процессуальных отношений, суд *ex officio* признает злоупотребление процессуальным правом.

Генеральное следствие злоупотребления процессуальным правом – это отказ в удовлетворении притязаний лица. Само по себе данное следствие не является санкцией, поскольку недобросовестное осуществление права с позиций общей оговорки не есть правонарушение, а означает превышение пределов своего права. В силу общей оговорки злоупотребление процессуальным правом признается недопустимым, даже если на это нет прямого указания в законе. Вместе с тем, по мнению автора, санкции, установленные законом в виде компенсации за потерю времени (п. 3 ст. 150, ст. 99 ГПК РФ) и отнесение судебных расходов (ч. 2 ст. 111 АПК РФ) следует признать несостоятельными. Поскольку указанные санкции носят компенсаторный характер, они не способны пресечь злоупотребление процессуальным правом, а, следовательно, устранить его негативный эффект. Также данные санкции построены на внутренних противоречиях. Компенсация за потерю времени страдает неопределенностью в условиях ее применения и объема, а по своей природе она ближе к институту деликтного права, так как речь идет, по сути, о возмещаемом вреде. Отнесение судебных расходов на недобросовестную сторону, как это предусмотрено в ч. 2 ст. 111 АПК РФ, дублирует общее правило несения судебных расходов. Дело в том, что если лицо злоупотребляло

⁷ Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 5. – С. 105–111

процессуальными правами и впоследствии проиграло процесс (что чаще всего и случается), на него по общему правилу (ст. 110 АПК РФ) относятся все судебные расходы, независимо от факта злоупотребления процессуальным правом. Таким образом, область применения ч. 2 ст. 111 АПК РФ распространяется только на те стороны, которые, будучи победителями в процессе, не гнушались недобросовестных действий, указанных в ч. 2 ст. 111 АПК РФ.

В третьем параграфе рассматривается возможность применения общей оговорки в отношении ряда процессуальных прав. Автор, исходя из обозначенной классификации процессуальных прав, разделяет злоупотребление процессом и злоупотребление отдельными процессуальными правами. Злоупотребление процессом имеет своим содержанием недобросовестное осуществление лицом права на обращение за судебной защитой, когда лицо обращается в суд с иной целью, чем защита нарушенного права. Отмечается широкая казуистика данного вида злоупотребления, в том числе выделяется конструкция мнимого процесса, который характеризуется отсутствием противоборствующих сторон, и инициирование процесса направлено на общий и желаемый для сторон результат – получение неправосудного решения. Последствием злоупотребления процессом выражается прежде всего том, что суд отказывает в заявленных требованиях в связи с их необоснованностью. Вместе с тем отказ в рассмотрении дела не может выступать последствием злоупотребления процессом. Допущение такой возможности означало бы установление труднопроверяемого условия при принятии дела к производству – наличие потребности в судебной защите. Как ГПК РФ (ст. 3), так и АПК РФ (ст. 4) исходят из презумпции заинтересованности лица в обращении за судебной защитой. Поэтому в отношении права на процесс общая оговорка находит ограниченное применение: в обращении в суд, равно как и в рассмотрении дела, не может быть отказано со ссылкой на злоупотребление правом на иск, иное означало бы недопустимый отказ в правосудии. Такой вывод согласуется с конституционным характером права на обращение за судебной защитой, а также с положениями процессуальной формы. При этом не исключаются предложения по введению денежных санкций против лиц, злоупотребляющих процессом, аналогичных санкции, закрепленной в ч. 2 ст. 284 ГПК РФ.

Наряду со злоупотреблением процессом различается неосновательное обращение в суд (заявление иска без повода). По мнению автора, целесообразно в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве развить положения об ответственности, отраженные в ч. 1 ст. 111 АПК РФ, за безосновательное использование средств судебной защиты. Ответственность могла бы выражаться в отнесении на заявителя иска всех судебных расходов, если противная сторона докажет отсутствие повода для обращения и незамедлительно признает иски требования.

В отношении отдельных процессуальных прав эффективность применения общей оговорки в первую очередь зависит от реальной возможности контроля суда за действиями сторон. Так, на стадии возбуждения дела суд фактически лишен возможности проверить действия истца на предмет манипуляции подсудностью спора. Поэтому имеет под собой основание предложение о регламентации отдельной процедуры, имеющей предметом рассмотрение судом до назначения дела к судебному разбирательству возражения ответчика по неподсудности спора. Что касается потенциального злоупотребления подсудностью в арбитражном судопроизводстве путем замены ненадлежащего ответчика надлежащим, исходя из общей оговорки, такая замена возможна, если при этом подсудность судебного спора останется идентичной. В противном случае замена ответчиков возможна только при передаче дела по подсудности.

Судебный контроль в отношении совершения распорядительных действий сторон сведен до минимума, что обосновывается действием принципа диспозитивности. Поэтому общая оговорка находит применение только в целях корректировки осуществления распорядительных прав, когда предусмотренный законом порядок реализации права влечет несправедливые результаты в отношении встречной стороны. В действующем процессуальном законодательстве подобные последствия могут иметь место при увеличении истцом в арбитражном процессе своих требований без уведомления об этом ответчика, а также при отказе истца от иска во время рассмотрения дела в суде второй инстанции.

Право на обжалование судебных актов как составляющая гарантии права на судебную защиту не подлежит корректировке с позиций общей оговорки. Нельзя отказать в инициировании пересмотра судебных актов со ссылкой на недобросо-

вестность заявителя, также нельзя ставить вопрос о штрафных санкциях за злоупотребление средствами обжалования. Иной вывод означал бы ограничение доступа к правосудию.

Функционирование общей оговорки предполагает ее конкретизацию на уровне процессуального закона. По итогам проведенного анализа можно констатировать, что действующее процессуальное законодательство испытывает дефицит положений *lex specialis*, призванных сдерживать недобросовестность сторон.

Усугубляющим фактором является отсутствие единой для гражданского и арбитражного судопроизводства тенденции по усилению дисциплины сторон за счет строго регламентированной процедуры обмена состязательными бумагами. В этой связи мнение ВАС РФ о том, что нераскрытые заблаговременно доказательства несмотря на прямое требование закона (ч. 3, 4 ст. 65 АПК РФ) должны быть исследованы арбитражным судом первой инстанции независимо от причин, по которым нарушен порядок раскрытия доказательств, не вызывает поддержки. Учитывая, что проблема выходит за рамки общей оговорки, предлагается меры по добросовестному ведению процесса конкретизировать на уровне процессуального закона в виде обязанности сторон по своевременному предоставлению средств доказывания. В силу данной обязанности стороны должны раскрыть доказательства в рамках установленного судом преклюзивного срока, а также все иные последующие доказательства представлять заблаговременно, как этого требует добросовестное ведение процесса.

В то же время предложения ввести в процессуальное законодательство обязанность сторон давать свои объяснения объективно и в полном объеме (обязанность правды) в отрыве от рассмотрения вопроса о формах контроля суда и эффективных санкциях лишены практического значения. Вследствие чего ее характер будет больше морально-этический, нежели правовой. Сама по себе обязанность правды не способна создать для объяснений сторон правовой режим, идентичный режиму дачи свидетельских показаний, поскольку уголовная ответственность в отношении сторон за процессуальную ложь отсутствует. Также обращение к общей оговорке не дает оснований для возложения на недобросовестных сторон каких-либо санкций.

Отдельного разрешения требует проблема доказательственных препятствий, выражающаяся в виновном поведении одной из сторон, которое затрудняет или делает невозможным процессуальному противнику доказать нужные ему факты. Отсутствие в процессуальном законе должных средств воздействия способствует пассивности сторон в установлении фактических обстоятельств дела. Представляется, что отказ законодателя от установленных в ГПК РСФСР положений, позволявших суду считать признанными сведения, содержащиеся в истребуемом судом и непредставленном стороной доказательстве, преждевременно.

В заключении приводятся итоговые выводы, их соответствие реалиям российского законодательства и отечественным традициям правоприменения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Сущность гражданских процессуальных прав // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 16 / Под ред. Б. Л. Хаскельберга. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 379–381. (0,2 п.л.)
2. Субъективное право и ответственность (аксиологический аспект) // Онтология и аксиология права: Матер. международной научной конференции / Отв. ред. Л. В. Денисова. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – С. 66–69. (0,2 п.л.)
3. Категория добросовестности в гражданском процессуальном праве // Современные проблемы гражданского права и процесса: Сб. ст. / Под. ред. А. В. Цихоцкого. – Новосибирск, 2004. – Вып. 2. – С. 127–137 (0,5 п.л.)
4. Пределы свободы сторон в гражданском процессе – история вопроса // Журнал российского права. – 2004. – № 6. – С. 82–89. (0,5 п.л.)
5. «Обязанность правды» (Wahrheitspflicht) в немецком гражданском процессе // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2004. – № 3. / Под ред. В.В. Яркова. – СПб.: Издательский Дом СПГУ, 2005. – С. 281–289. (0,5 п.л.)
6. Устранение доказательств в гражданском процессе Германии и России (сравнительно-правовой анализ) // Современные проблемы гражданского права и

процесса: Сб. ст. / Под ред. А.В. Цихоцкого. – Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 2005. – Вып. 3. – С. 42– 52. (0,5 п.л.)

7. Обязанность добросовестного осуществления процессуальных прав в гражданском процессе Германии и России // Вестник Самарской государственной экономической академии. Актуальные проблемы правоведения. – 2005. – №1. – С. 201– 205. (0,4 п.л.)

8. Злоупотребления процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 24 / Под ред. Б. Л. Хаскельберга, В.М. Лебедева, Г.Л. Осокиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 280–284. (0,2 п.л.).